

Особенно тот волшебный родник, который сегодня на глазах у всех подарил матери Чёрной Обезьяны надежду на жизнь, вызвал у деда Лю и удивление, и радость.

Мысли деда Лю были сложны, но когда он снова посмотрел на Лю Сычэня, бежавшего кормить цыплят, сердце его внезапно екнуло, и брови медленно сошлись.

— Лю Сычэнь! — Лю Сычэнь обернулся, на мгновение замерев. Дедушка Лю редко звал его по имени-отчеству. Видя серьезное выражение лица деда, Лю Сычэнь поспешил подойти.

— Дедушка, что случилось? — Лю Сычэнь с тревогой потрогал лоб деда, осматривая его, но признаков недомогания не заметил.

— Дедушка в порядке, просто хочу кое-что у тебя уточнить. — Дедушка Лю взял его маленькую руку в свою.

— Когда ты начал ходить в этот Сад?

Лю Сычэнь понял, что дедушка все еще беспокоится, и подробно рассказал, как нашел Лекарственный сад.

Услышав про зеленый свет, дедушка Лю нахмурился:

— Ты что, в обморок упал? А потом? Больше ничего странного не было?

— Нет, больше ничего не было. — Только после того как Лю Сычэнь несколько раз заверил его, что с ним все в порядке, дедушка немного успокоился.

— Кто-нибудь еще знает об этом Саде? Твой Чансин, Чёрная Обезьяна, Гу Яо — они в курсе?

— Нет, знаю только я и дедушка. — Лю Сычэнь ответил серьезно.

— Чэньчэнь, достался тебе этот Сад по воле предков семьи Лю, это твоя судьба. — Дедушка Лю поднял мальчика повыше, чтобы тот мог видеть в даль.

— Но ты еще слишком мал. Пообещай дедушке, что без моего разрешения не расскажешь этот секрет никому, ясно? — Дедушка Лю строго посмотрел в большие черно-белые глаза внука.

Лю Сычэнь прикусил нижнюю губу:

— Я знаю, дедушка. Вы рассказывали мне историю про трехлетнего ребенка, который нес золото через рынок. Я понимаю.

Дедушка Лю вздохнул:

— Знает дедушка, что ты умный и хороший мальчик, но «у невинного нет вины, но если у него есть яшма — это уже преступление». Сердца людские — вещь сложная и непостижимая, и хочу я лишь одного: чтобы ты, леча людей и оставаясь Человеком, умел и себя защитить.

— Я знаю, дедушка... — У Лю Сычэня вдруг защемило в груди, ком встал в горле, и глаза увлажнились от тепла. Любовь дедушки была самой бескорыстной и глубокой.

Потом дед с внуком еще поговорили по душам, Лю Сычэнь показал дедушке рельеф Сада и распределение ресурсов, и только тогда они вышли, чтобы умыться и приготовиться ко сну. Дедушка Лю, уставший за целый день у дома Чёрной Обезьяны, выпил чашку теплой

родниковой воды и лег спать, обняв внука, который не хотел идти в свою комнату спать один.

На следующее утро дед с внуком проснулись бодрыми и отдохнувшими. Лю Сычэнь снова повел дедушку в Сад, и с его помощью многие дела, которые были не под силу маленьким ручкам и ножкам, были легко переделаны.

Они привели в порядок редкие лекарственные травы на грядках, убрали овощи, которые Лю Сычэнь посадал кое-как. Старые листья и стебли, что нельзя было есть, порубили и бросили цыплятам, а съедобное сложили в одну кучу, чтобы вынести потом.

Дедушка Лю глядел на десяток цыплят, снующих по земле, и сплел для них корзину из прутьев и травы.

— Дедушка, гляньте скорее, женьшень пророс! — Лю Сычэнь с радостью указал на зеленые ростки на земле. На этом участке в два квадратных метра он когда-то рассыпал семена женьшеня, полил родниковой водой и забыл, но не думал, что они действительно взойдут.

— Откуда у тебя семена женьшеня? — Дедушка Лю смотрел на ростки, и лицо его светилось радостью.

Лю Сычэнь показал язык и выдал свою тайну про продажу женьшеня, а также с гордостью показал оставшиеся семь с лишним юаней.

— Всё смелее и смелее становишься. — Дедушка Лю бросил на него взгляд и присел у ручья мыть руки. — Впредь не делай так, а то приметятся на тебя, а твои ручки-ножки не защитятся.

— Понял, дедушка. — Лю Сычэнь обнял деда за шею и начал лебезить. — Вы только не волнуйтесь, мне главное, чтобы дедушка был здоров и всегда был с Чэньчэнем.

Дедушка Лю тут же смягчился от этого ласкового обращения и, прижав внука, нежно похлопал его по спине.

Лю Сычэнь собрался на следующей неделе, когда Гу Яо поедет на учебу, съездить с ним в город и сбыть там заготовленные лекарства.

Напоминание Гу Яо об отмене талонов в Хайши и Шэньчжэне в прошлый раз навело его на мысли. Уезд Вэйчэн был не таким уж глухим местом, но отмена талонов — процесс не моментальный. С развитием экономики в ближайшие десять лет, с изобилием товаров и постепенным балансом спроса и предложения талоны сами собой утратят смысл.

Однако это не значит, что талоны останутся единственным способом оплаты. С углублением и расширением политики реформ и открытости деньги будут играть всё большую роль, хотя и станут стоить дешевле.

Без талонов захотелось мяса? В государственной столовой, может, и не получишь, но на улице у лотка? Запросто, если доплатишь — всё купишь.

У Лю Сычэня не было больших амбиций. В этой жизни он хотел лишь хорошо изучить медицину, с пользой применять Лекарственный сад и продолжить завет предков семьи Лю — спасать людей и лечить болезни. Это давало ему и чувство социальной полезности, чтобы не зря прожить эту жизнь, подаренную небесами.

Если он хочет в будущем не отвлекаться на мирские заботы и посвятить себя медицине, то он,

как минимум, не должен страдать от нужды. Иными словами, денег должно быть достаточно, независимо от того, хочет он спасать людей, лечить или просто погрузиться в исследования.

Поэтому с этого момента он должен начать зарабатывать, думая о будущем. Он не собирался делать миллиарды, достаточно было бы стать средним классом.

Лю Сычэнь всё хорошо продумал. Он мог продавать женьшень втайне и зарабатывать, но держать деньги было некуда — инвестировать было негде. В это время тебе не продадут дом или землю, частной недвижимости не было, а покупка дома принесла бы меньше дохода, чем торговля с лотка.

Но в понедельник утром Лю Сычэнь все же сказал дедушке и, уговорив Гу Яо, вместе с ним отправился в уездный город, где они встретились с Лю Чансином.

С тех пор как он признался дедушке, Лю Сычэнь стал смелее дома. По крайней мере, яйца теперь можно было есть открыто каждый день.

По дороге Лю Сычэнь незаметно сунул Гу Яо две десятиюаневые купюры. Гу Яо, глядя на смятые бумажки, нахмурился. Он чувствовал, что у Лю Сычэня есть секреты, но не спрашивал. Они оба молчали понимали друг друга: один не спрашивал, другой не объяснял, словно ничего не случилось.

Это была тоже форма доверия. Гу Яо не хотел лезть в душу, если Лю Сычэнь захочет — сам расскажет, а если не захочет — Гу Яо делал вид, что не замечает.

Но стоило Гу Яо сделать шаг назад, Лю Сычэнь тут же нагло подходил ближе, совершенно не опасаясь его. Его большие невинные глаза словно говорили: «Спроси меня, спроси меня».

— Я не могу взять. — Гу Яо попытался вернуть деньги.

— Почему? А как ты без денег будешь жить? — Лю Сычэнь надул губы.

— Я сам как-нибудь справлюсь, а деньги при себе держи. — Гу Яо придержал его руку, не давая двигаться.

— Считаю это моими инвестициями в тебя. Когда поступишь в университет и начнешь зарабатывать, вернешь мне. Бери. — Лю Сычэнь не сдавался. — К тому же, скоро похолодает, тебе же надо одежду купить или сшить?

На красивом и ясном лице Гу Яо промелькнуло выражение бессилия. Действительно, он был на мели. Отец его бросил, единственный дядя жил далеко в Пекине и о нем не заботился. Если бы не дед с внуком из семьи Лю, он бы сейчас, наверное, прятался в сарайке у Чжао Чуньхуа, и без продовольственных талонов в школе жил бы с сегодняшнего дня на завтрашний.

Ведь ему было всего двенадцать лет, и хотя первые двенадцать лет жизни были полны взлетов и падений, он никогда не мучился от голода. Пройдя через все это, он осознал, как ценна доброта Лю Сычэня, и тем более не хотел злоупотреблять ею.

— Возьми, Гу Яо, в школе деньги точно пригодятся, а как заработаешь — вернешь Сяо Сы. — Лю Чансин тоже поддержал со стороны.

Гу Яо погладил мальчика по голове:

— Ладно, я возьму эти деньги, а потом верну в двойном размере.

Лю Сычэнь расплылся в широкой улыбке, показав зубы:

— Угу!

В этот раз Лю Сычэнь поехал в уезд с ведома деда и взял с собой травы, собранные дедом за это время. Школа, учитывая дальность дороги для детей из деревень, начинала занятия в понедельник только в девять тридцать утра. В уезд они приехали до восьми, Лю Чансин, понеся вещи, ушел в общежитие, а Гу Яо повел Лю Сычэня прямо в лавку лекарственных трав семьи Сун.

<http://bllate.org/book/16485/1498020>